

© Франц Боас

Цели этнологии

(1.) Многочисленные книги путешествий предоставляют описания, которые отсылают нас к самым отвратительным ответвлениям людского отродья, населяющим чужие страны, описывают их образ жизни, будто бы как у диких животных, отрицают, что у них имеется хоть какое-то указание на эмоциональную или умственную жизнь, заслуживающую нашей симпатии. Австралийцев, бушменов, огнеземельцев в ранних описаниях часто изображали в качестве самых низших форм человечества, лишенных всякого чувства общественного долга, без закона и порядка, воображения, даже не имевшими укрытия и орудий труда.

(2.) Если путешественники, которые видели эти народы, дают нам описания такого рода, то нет ничего удивительного в том, что другие, которые никогда не находились в контакте с примитивными людьми, принимают их взгляды, и мы начинаем понимать причину часто повторяемого вопроса: в чем же состоит польза от изучения жизни примитивных людей?

(3.) Даже самые грубые племена не соответствуют картине, которую частенько рисует легковесный путешественник. Из объемной дорожной литературы можно извлечь множество примеров, показывающих поверхностность таких отчетов. Весьма известный путешественник Бурчелл [Burchell], повстречавшийся с группой бушменов около Гариба, дает нам самый прекрасный отчет полного отсутствия у них мыслительных способностей. Он спросил, в чем разница между добрым и злым поступком? И поскольку те не смогли ответить, к своему удовлетворению заявил, что они не способны мыслить и рассуждать. Подобным образом огнеземельцев расспрашивали об их религиозных идеях в таких терминах, которые им не всегда были понятны, поэтому-то они и не смогли отвечать, и было заявлено, что они не способны усвоить любую идею, которая выходит за рамки самых обнаженных нужд повседневной жизни. Сегодня мы знаем больше, но научно не подготовленный путешественник волен делать заявления такого рода. Сейчас мы знаем,

Русский перевод английской версии статьи Франца Боаса: Boas, Franz. Die Ziele der Ethnologie. Vortrag gehalten im Deutschen Gesellig-Wissenschaftlichen Verein von New York am 8. März 1888. New York: Hermann Bartsch, 1889. [Author's English version as "The Aims of Ethnology" in: Boas 1940: 626–638; original version in translation: *Stocking* 1989: 67–71]. Страницы оригинала (в версии Boas 1940-5) указываются в квадратных скобках в тексте (прим. – И.К.). Текст авторского перевода очень сильно отличается от оригинала, опубликованного на немецком. Во многих местах он даже больше напоминает вольный пересказ. И в одном случае Боас сам говорит об этом в примечании (см. ниже). К сожалению, Дж. Стокинг опубликовал перевод не всего оригинального текста, а лишь его части, начинающейся с фразы «В то же самое время развитие этнологии сильно обязано общему признанию принципа биологической эволюции» (Boas 1940-5: 633) и до слов «Следовательно, оно также дает нам возможность объективно смотреть на нашу собственную цивилизацию» (Ibid: 636).

что бушмены, которых Бурчелл описывал как почти не отличающихся от диких зверей, обладают хорошо развитой музыкой, широким набором сказок и традиций; у них есть поэзия, и они превосходят [626–627]ные сказители. Их наскальные изображения показывают высокую степень навыков и замечательное понимание перспективы. Мы также знаем, что у огнеземельцев имеется хорошо развитая социальная организация и что их обычаи суть доказательства глубоко укоренившейся религиозности.

(4.) Андаманцы — еще один народ, который обязан своей дурной репутацией отчетам ранних путешественников. Марко Поло, посетивший их в 1285 году, поведал: «Эти люди подобны диким зверям, и я уверяю вас, что у всех мужчин на этом острове Ангаманаин головы, как у собак, и зубы и глаза такого же рода; фактически же их лица напоминают бульдожи». А арабский писатель IX века говорит: «Цвет их кожи ужасающий; их ступни большие, длинной почти в локоть, и они абсолютно без одежды». Сравните это с описанием Э.Г. Мэна [Man], которому мы обязаны лучшими знаниями об этом интересном народе. Он говорит: «Утверждалось, что среди них распространена система коммунального брака, и что брак этот — не более чем захват рабыни, но настолько далек от контракта, что является просто временным устройством, поскольку может быть прекращен по воле какой-либо из сторон, но расторгнуть союз не позволяют ни несовместимость темпераментов, ни любая другая причина, и в то время как бигамия, полигамия, полиандрия и развод неизвестны, супружеская верность до смерти не исключение, а правило. ...Одна из самых поразительных черт их общественных отношений есть заметное равенство и привязанность, которые существуют между мужем и женой». Даже если это описание должно рассматриваться как в чем-то приукрашенное, тем не менее, оно показывает, что люди эти не «подобны диким зверям».

(5.) Так более близкое изучение показывает, что некоторые из народов с худшей репутацией не настолько грубы, как нас уверяют в том легковесные отчеты, мы подошли к предположению, что культурные условия среди всех примитивных народов могут оказаться более высокими, чем обычно полагают.

(6.) Наши знания о примитивных племенах по всему миру подтверждают утверждение, что нет людей, у которых отсутствовали бы определенные религиозные идеи и традиции; которые не совершали бы изобретений, не жили бы по правилам обычного права, регулирующего отношения между членами племени. И нет людей без языка.

(7.) Задача этнологии — изучение всего круга феноменов общественной жизни. Язык, обычаи, миграции, телесные характеристики — предметы наших изучений. Так ее самый первый и наименее необходимый объект есть изучение истории человечества; не только одних цивилизованных наций, но и человечества в целом, от самых ранних следов, найденных [627–628] в отложениях ледникового периода, и до современных времен. Мы должны следовать за поступательным развитием проявлений культуры^{1*}. Цель, которую мы ставим перед собой, видимо, можно проиллюстрировать примером.

^{1*} Букв. *manifestations of culture*.

(8.) Хорошо известны богатство сказок и традиций Европы и их не поддающиеся счету обычаи, которые сохраняются даже в настоящее время. Коллекции волшебных сказок Гримма и народные песни, собранные в «*Wunderhorn*» Брентано, — может быть самые ранние систематические попытки собрать доступный материал. Гримм рассматривал сказки и обычаи в качестве пережитков древнего германского язычества, которые были модифицированы изменениями в культурной жизни. Божества ранних времен интерпретировались как персонифицированные природные силы. Но когда собранный материал вырос, была доказана неправильность этой теории. Было открыто, что определенные сказки и песни или суеверия, которые сперва объяснялись так, как будто они древнего языческого происхождения, вошли в обиход в недавние времена, и во многих случаях было показано, что они происходили из отдаленных земель. Не ранее, чем в средние века, Европа получила значительную сумму своих обычаев, верований и традиций с Востока, и они подверглись изменениям согласно европейским культурным образцам^{2*}. Новые идеи оказали свое влияние на общественные условия Европы. Например, М. Гастер [Gaster] пробовал доказать, что средневековая вера в ведьм, которая сохраняется до настоящего времени, попала в Западную Европу в течение XIV столетия в связи с дуалистическими учениями схизматиков, которые отстаивали догму о власти сатаны и о спасении святых. Эти учения происходили из среды болгарских христиан Юго-Восточной Европы. Хотя взгляды Гастера не полностью приемлемы, они доказывают сильное влияние учений еретиков на народные верования и народную литературу. Обычаи и традиции, кроме этих чуждых элементов, прямо выводятся из языческих времен, так что изучение современной жизни ведет нас назад к культурным формам примитивных времен.

(9.) В примитивном обществе культурный контакт оказывает даже более значительное влияние, чем в нашей сложной цивилизации.

(10.) Знаменитый рассказ о том, как в беге соревновались черепаха и заяц или трепало и кролик, может послужить примером. В Марокко было найдено, что состязаются еж и шакал. В Камеруне героями являются слон и черепаха, а среди готтентотов страус и черепаха. Индейцы-тупи в Бразилии рассказывают ту же историю об олене и черепахе, и, кажется, правдоподобно, что они узнали ее от африканских рабов. Сказки американских негров дают один из наиболее примечательных примеров трансмиссии, [628–629] поскольку они представляют смесь африканских и европейских идей, которые, в свою очередь, влияли на фольклор американских индейцев.

(11.) Такие перемещения обнаружены не только в обычаях и народных сказках, но также в мифологии, которая показывает множество следов иностранного происхождения. Хорошо известно о семитских элементах греческой мифологии. Достаточно только упомянуть об Афродите и Геракле. Я могу добавить пример, взятый из своих собственных наблюдений среди индейцев Британской Колумбии. На юге открыто много сказок, где упоминается о солнце, его происхождении и войнах между животными и небесными телами. На южной Аляске создателем, который сделал человека, страну, огонь и воду, является ворон. Он дал человеку пищу и укрытие, изобретения и обычное право. Обе группы идей, хотя и совершенно различные, распространены вдоль

^{2*} Букв. *cultural patterns*.

берега так, что мифология становится неразрывной смесью этих фундаментальных идей.

(12.) Эти наблюдения показывают, что первой целью этнологического изыскания должен быть критический анализ характеристик каждого народа. Это есть единственный способ добиться удовлетворительного понимания культур, распространенных по более широким областям. Средства, имеющиеся в нашем распоряжении для осуществления такого анализа, разнообразны: форма тела, язык и культура суть результаты исторических процессов и, следовательно, могут быть применены в изучении истории. Для доисторических же времен нам надо довольствоваться изучением останков.

(13.) Форма тела наследуется от одного поколения к другому. Следовательно, первейшая задача исследователя отыскать постоянные формы, характерные для каждой области. С определенного времени стало обычным искать основные характеристики в формах черепа, отчасти потому что они совершенно стабильны, отчасти по причинам практическим, поскольку собирать черепа легче, чем другие части скелета, исключая длинные кости. Индивидуальность группы наиболее ясно выражена в сложных формах черепа, и его форма не зависит от жизненных привычек в той степени, в какой некоторые другие кости. Черепа чаще сохраняются, когда другие кости разлагаются, портятся или рассыпаются, так что они представляют собой наиболее доступный материал для изучения популяций ранних периодов. Данные, основанные на измерениях черепов, суть средства выражения характеристик строения тела только вкратце. В отношении людей, которые образуют единство языка и культуры, может быть показано смешанное происхождение. Так, Малая Азия населена людьми, говорящими по-турецки, исключая, однако, греков и армян. Д-р фон Лушан, который недавно изучил формы тела этих людей, показывает, что в формах тела [629–630] они не согласуются с другими тюркоговорящими народами, но что большинство их относится к типу, подобному армянам. Превалируют на западе греческий, а на юге арабский типы. Многие грекоговорящие люди Малой Азии — также армянского типа, в то время как на южном берегу — эллинизированные арабы. Из этих данных мы заключаем, что более ранние насельники Малой Азии были лингвистически и культурно ассимилированы вторгшимися турками.

(14.) Как еще один пример, показывающий важность этих изысканий, мы можем упомянуть о распространении пигмеев, которым французский антрополог Де Катрфаж [De Quatrefages] уделял особое внимание. Ранее я упоминал о бушменах, пигмейском народе. Низкорослые племена обнаружили во многих частях Центральной Африки вплоть до района Великих африканских озер у истоков Нила. Их появление недавно было отмечено также в Западной Африке, так что современные наблюдения подтвердили древние отчеты Геродота. Равно низки андаманцы и некоторые из горных племен Индии, Малайского полуострова, Филиппин и Формозы, и похожие черты можно наблюдать у племен Новой Гвинеи и соседствующих островов, где те, кажется, пережились со своими соседями. Среди большего числа этих людей мужчины насчитывают не более чем 140 см. А акка в Центральной Африке даже короче, насчитывая не более чем 120 или 130 см. Хотя анатомическая форма у этих типов не во всех отношениях идентична, у них есть некоторые черты общности, в особенности малый размер и жесткие, вьющиеся волосы.

Их присутствие во всех частях южной границы Старого Света, в который мы включаем Африку, дает основания думать, что они остатки древней расы, которая была вытеснена иммиграцией в Африку высоких негров и вторжением в Южную Азию людей, которые пришли с запада и с севера.

(15.) Так исследование типов человека ведет нас назад в ранние периоды человеческой жизни. Метод основан на постоянстве анатомических форм.

(16.) Язык есть следующее важное средство для исследования ранней истории. Множество языков уступили под наплывом захватчиков, тогда как в других случаях они сохранились слегка измененными, а языки захватчиков исчезли. Еще в других случаях древние языки сохраняются в сокрытых районах, удаленных деревнях, неплодородных, болотистых округах и на островах. Такие как некоторые романские диалекты, баскский, различные языки Кавказа, Калифорнии и Западной Африки. Историю атапасков проясняет тот факт, что [630–631] изолированные племена Тихоокеанского побережья, навахо и апачи наших юго-западных штатов и народ района Маккензи говорят на диалектах, принадлежащих к этой лингвистической семье. Открытие карибских языков в Бразилии проливает новый свет на историю этих народов.

(17.) О важности другой черты языка. В то время как анатомические характеристики важны вследствие их постоянства, языки изменяются более охотно, и изменения таковы, что они проливают много света на их историю. Новые языки возникают, растут и исчезают. Новые языки возникают из более ранних через смешение (как английский); они распадаются согласно их фонетическому характеру и грамматическим процессам и согласно судьбам народа, говорящего на них, и образуют новые диалекты. Эти изменения, обязательные смешению и внутреннему развитию, суть плодотворный источник для исторических выводов. Методы изучения развивались посредством изучения индоевропейских языков, но начатки были осуществлены приложением этих результатов к другим лингвистическим семьям. Анализ диалектов позволяет нам следовать истории слов и понятий чрез длительные периоды времени и отдаленные области. Введение новых изобретений и миграции в удаленные страны часто отмечаются появлением новых слов, происхождение которых можно установить. Так история языка отражает историю культуры. Шрадер [Schraeder] и Пенка [Penka] приложили этот метод к исследованиям о прародине^{3*} народов, говорящих на арийских языках. Наши знания о языках примитивных людей в целом недостаточно продвинуты для подобного анализа. Чтобы сделать его возможным, мы нуждаемся в литературе этих языков. Едва ли в настоящее время у нас имеются адекватные словари.

(18.) Третье средство для исследования ранней истории народов, у которых нет письменности, есть изучение их культуры. Мы не скажем ничего лишнего, если заявим, что не существует людей, чьи обычаи развились без влияния чужой культуры, и у которых не было бы заимствованных искусств и идей, которые развились совершенно своим собственным путем.

(19.) Достойный внимания пример такого рода обнаружен среди фан, племени, живущего к северу от нижней Конго. Когда около 450 лет назад пор-

^{3*} Букв. *early home*.

тугальцы открыли Конго, они нашли, что негры употребляли луки и стрелы. Множеством путей португальцы повлияли на культуру негров, и те узнали от них об использовании самострелов. Позже, когда португальское влияние ушло, фан удержали использование самострелов. Будучи не в состоянии имитировать сложный механизм португальского самострела, они изобрели новый вариант. Новая форма оказалась [631–632] недостаточно сильной, чтобы запускать болт на дальние расстояния, поэтому они употребили отравленные болты, чтобы сделать их эффективными. Когда в XIX веке фан были заново открыты, обнаружилось, что они владеют этим курьезным оружием, происхождение которого поначалу представлялось совершенно необъяснимым. Подобные подражания европейским объектам были выявлены на островах Тихого океана. Так, фиджийцы придали своим палицам формы европейских ружей, а вожди на Новой Британии восприняли форму шапки британских адмиралов как головной убор. Есть несколько случаев двойного подражания. Стальной гарпун, употребляемый американскими и шотландскими китобоями, есть слегка модифицированное подражание эскимосскому гарпуну. И эскимосы стали имитировать его снова.

(20.) В некоторых случаях подражания не ограничиваются простыми изобретениями. Известны случаи, когда масса культуры народа усваивалась его соседями. Так, африканское племя, которое являлось предметом нападений воинственных зулу, увидело спасение, приняв обычаи и манеры зулу.

(21.) С другой стороны, существует осознанный консерватизм, сохраняются отдельные мелочи, в то время как общая жизнь народа может подвергнуться важным изменениям. Так, Эдуард Морз [Morse] доказал, что у народов больших континентальных областей имеются общие методы стрельбы из лука, которые отличаются от тех, которые в ходу в других протяженных областях.

(22.) В общем, цепко держатся за стиль орнамента, формы орудий и оружия. Когда вводится новый материал, часто удерживаются более ранние формы. Так племена, которые узнали гончарное искусство, но которые вместе с тем в более ранние времена занимались плетением корзин, часто имитируют плетеные формы в глине. Оружие, в которое вкладывались шипы и зубы, имитируется при резьбе по дереву или в камне. Новые формы могут имитироваться также и в знакомом материале. Так, в ранней Европе бронзовые топоры воспроизводились в камне.

(23.) Часто с великой цепкостью сохраняют традиции и, особенно содержащиеся в них стихи и мотивы. Песни, будучи передаваемы от одного поколения к другому, могут так сильно отличаться от современной речи, что становятся таинственными и непонятными.

(24.) Мы признаем, что жизнь народа во всех ее аспектах есть результат его истории, в которой отражена племенная традиция наряду с чертами, приобретенными благодаря контактам с соседями. Этнологу важны самые пустяковые черты общественной жизни, потому что они суть выражения исторических событий. Они — часть данных, по которым восстанавливается прошлое. [632–633]

(25.) Можно сказать, что то, что мы здесь описываем, есть история культуры, а не этнология. Это правда. Этнография — часть истории культуры и не может быть отделена от нее. Отдавая дань нашему возрастающему этнологическому знанию, мы признаем, что историю цивилизации невозможно понять без знания о примитивном человеке. В то же самое время развитие этнологии сильно обязано общему признанию принципа биологической эволюции. Общая черта всех форм эволюционной теории такова, что каждое живое существо рассматривается как результат исторического развития. Судьба индивида влияет не только на него самого, но также на все последующие поколения. Следовательно, чтобы понять организм, недостаточно изучать его как стабильную форму, но должно сравнивать со всеми его предками и потомками. Эта точка зрения ввела в естественные науки историческую перспективу и революционизировала их методы. Развитие этнологии сильно обязано принятию эволюционной точки зрения, потому что последняя внушила нам убеждение, что ни одно событие в жизни народа не проходит бесследно для более поздних поколений. Мифы, которые рассказывали и в которые верили наши предки, ощущаются в способах мышления потомков, которые были подвержены влиянию чужой цивилизации. Даже самый блестящий гений испытывает влияние духа времени, в котором он живет, своей среды, которая есть продукт событий прошлого. Так история культуры учит преемственности идей и изобретений, начинающихся со стадий, на которых мы находим примитивные племена наших времен. История науки, изобретений и религии должна быть основана на изучении жизни примитивных племен.

(26.) Я использовал здесь повсюду термин «примитивные» без дальнейшего объяснения. Надеюсь, что это не создало впечатления, что я рассматриваю эти племена как живущие в первоначальном природном состоянии, как воображал Руссо. Напротив, мы должны помнить, что каждый примитивный народ обладает долгой историей. Он может перейти к упадку от стадии более высокого развития или взойти к своей настоящей стадии, сражаясь с превратностями. Нет примитивного племени, которое бы не сковывало общепринятые законы и обычаи. Чем более оно примитивно, тем большее число ограничений определяет каждое действие.

(27.) Если мы нашли, что этнология как историческая наука близко родственна истории культуры, то эта связь покажется еще ближе, когда мы обратимся ко второй важной задаче нашей науки. Сравнение [633–634] общественной жизни различных народов доказывает, что основания их культурного развития значимо единообразны. Из этого следует, что есть законы, которым подчиняется это развитие. Их открытие есть вторая, может быть, более важная цель нашей науки.

(28.) Между этими целями нет фундаментального противоречия, потому что общий закон выражается в частном феномене настолько же, насколько частный феномен интерпретируется как проявление общего закона. Однако, метод, применяемый при открытии этих законов, отличный и проливает свет на частный случай, поскольку показывает, которая из его черт случайна, а которая общеприменима. Следовательно, чисто исторический метод без сравнительного изучения будет неполным. Детальное изучение частного случая заставляет нас прибегать к сравнительному методу из-за того, что средства для выяснения действительной истории культур, находящиеся в нашем рас-

поряжении, ограничены. Письменные записи в ретроспективе не достигают почтенной древности и возможны лишь для немногих культур. Другие методы, которые мы обсуждали, слишком часто тоже малопригодны. Во всех этих случаях ничего не остается, как только сравнивать общественные феномены отдельных областей и основывать наши выводы на их сходствах и различиях. Следуя этим исследованиям, мы находим, что тот же обычай, та же идея, случаются среди народов, для которых невозможно установить историческую связь, так что нельзя допустить их общее историческое происхождение, и становится необходимо решить, есть ли законы, результатом которых являются те же самые или, по меньшей мере, сходные феномены, независимо от исторических причин; или другими словами, следует ли развитие человеческого ума определенным законам. Так развивается вторая важная задача этнологии — изыскание законов, управляющих общественной жизнью, или изучение психологии народов, как это, в общем, называют.

(29.) Наипервейший вопрос, на который должно ответить: есть ли законы, согласно которым прогрессирует культура, или же ее развитие обязано случаю. Раньше мы упоминали примеры распространения сходных феноменов в регионах, отстоящих друг от друга. В этих случаях этнолог всегда сталкивается с двумя равно возможными объяснениями. Два каких-то феномена могут происходить из общего исторического источника или же они могут развиваться независимо друг от друга. Сомнений не может быть только в очень немногих общих случаях. К примеру, тот факт, что нет народов без религии или без искусства; что повсюду находят хоть какую-то форму социальной организации, что повсюду вместе с прогрессирующей культурой индивид становится более свободным потому, что неисчислимые деспотические правила, управляющие [634–635] им, имеют тенденцию исчезать — все это по праву может быть объяснено так, как будто обязано ментальным характеристикам человечества.

(30.) Метод изысканий исследователя психологии народов также может быть проиллюстрирован примером. Блестящий пример представляют результаты, полученные недавними изысканиями в истории семьи.

(31.) Результаты филологических и исторических исследований относительно народов, говорящих на индоевропейских языках, демонстрируют, что семья была основанием для общества, и что на этой основе развились племя и государство. С этой точки зрения кажется странным, что среди некоторых народов отец не был главой семьи, но что часто мать обладала правами, которые в более позднее время принадлежали отцу. Так, Геродот рассказывает, что среди ликийцев дочери, а не сыновья наследовали у своих отцов. Говорят, что в Афинах во времена Кекропса дети получали имена от своих матерей, и согласно Тациту, особым уважением пользовался брат матери. Можно также упомянуть многочисленные сказки об амазонках. С точки зрения нашей культуры эти обычаи необъяснимы, но после того, как узнали об обычаях примитивных людей, история развития семьи стала более понятной. (Среди множества примитивных племен ведется унилатеральный счет происхождения, и ребенок признается членом отцовской или материнской линии, но не является членом обеих сразу. Когда ребенок принадлежит к линии матери, а мужчины удерживают положение или другие права, развивается конфликт; потому что ребенок не наследует их от отца, но от мужчин по линии своей матери, точнее, от дяди своей матери. Когда семья, состоящая из родителей и детей,

формирует экономическую и социальную ячейку, то такой тип организации легко приводит к конфликтам между отцом и сыновьями и между мужчиной и братьями его жены. Следовательно, в этих институтах есть элемент нестабильности, и они подлежат слову и изменению в форму, в которой ребенок принадлежит либо к линии матери, но так, что конфликты избегаются, либо — к обеим линиям.)

(32.) Необходимо подчеркнуть один вывод, основанный на исследованиях такого типа. Он показывает, что эмоциональные реакции, которые мы ощущаем как природные, в действительности культурно определены. Нам нелегко понять, что эмоциональная связь между отцом и сыном должна отличаться от той, к которой мы привыкли, но знания о жизни [635–636] людей с социальной организацией, отличающейся от нашей, приводят к ситуациям, в которых конфликты или взаимные обязательства принимают характер совершенно противоположный привычному нам и противоречат тому, что мы считаем «естественными» эмоциональными реакциями в отношении кровных родственников.

(33.) Данные этнологии доказывают, что не только наше знание, но также наши эмоции суть результат формы нашей общественной жизни и истории народа, к которому мы принадлежим. Если мы хотим понять развитие человеческой культуры, то должны попытаться освободить себя от этих догм. Это могут сделать только те, кто готов приспособиться к странным способам мышления и ощущения примитивных людей. Если мы попробуем интерпретировать действия наших отдаленных предков с помощью наших же рациональных и эмоциональных подходов, то не сможем достичь истинных результатов из-за того, что их ощущение и мышление были отличными от наших. Мы должны отложить в сторону многие точки зрения, которые кажутся нам само собой очевидными, потому что в ранние времена они не являлись само собой очевидными. Но *a priori* невозможно определить те части нашей умственной жизни, которые являются общими человечеству в целом, и те, которые обязаны культуре, в которой мы живем. Возможность достичь этого прозрения дает знание данных этнологии. Следовательно, оно также дает нам возможность объективно смотреть на нашу собственную цивилизацию.

(34.) Если мы признаём, что сходные обычаи могут порождаться независимо, то далее не будем склонны выводить общность происхождения народов из поверхностных сходств. Как часто потерянные племена Израиля заново открывались — в Америке, Полинезии и Африке! Как часто потерянные племена древности должны были мигрировать в Америку дорогой сказочной Атлантиды! Аргумент в пользу таких экстравагантных теорий — общее распространение некоторых табу или какого-нибудь орнамента, найденного в районах, сильно удаленных друг от друга.

(35.) Но на самом деле в высшей степени значимо то, что те же самые культурные феномены повторяются в наиболее отдаленных частях света, и что разнообразные сложные формы мысли и действия, которые развивает человеческий ум, повторяются и настолько распространены, что историческая связь их почти немыслима. Хорошим примером является сказка о Фазтоне. Это рассказ о сыне Солнца, который едет в небесной колеснице и которого после того, как он опалил землю, низвергает ударом молнии Зевс. У индейцев же

Британской Колумбии норка навещает своего отца, Солнце, вместо него несет солнце, а когда опалает землю, сбрасывается вниз своим собственным отцом. Обычай ношения больших украшений в губах обнаружен в различных частях Америки, но также в экваториальной Африке. Недавно Бастиан объяснил возникновение современного спиритизма с [636–637] той же точки зрения, показывающей сходство одного с практиками спиритизма среди примитивных людей.

(36.) Частое распространение сходных феноменов в культурных ареалах, которые не имеют исторических контактов, предполагает, что из их изучения можно получить важные результаты, чтобы показать, что человеческий ум развивается повсюду согласно одним и тем же законам.

(37.) Открытие их есть величайшая цель нашей науки. Чтобы достичь этого, понадобится множество методов изыскания и помощь многих других наук. До сих пор число исследований мало, но основания заложены трудами таких людей, как Тайлор, Бастиан, Морган и Бахофен. Нет недостатка в поспешном теоретизировании, как и в других новых отраслях науки, что не делает вклада в здоровый рост. Далеко идущие теории были построены на слабых основаниях. Здесь присутствует попытка объяснить историю так, как будто она детерминирована природой страны, в которой живет народ. Невозможно отрицать родство между почвой и историей, но мы не намерены объяснять на этой основе социальное и умственное поведение, и антропогеографические «законы» выглядят лишь как туманные, пустые обобщения. Климат и почва оказывают влияние на тело и его функции, но невозможно доказать, что характер страны находит необходимое выражение в характере ее обитателей. Утверждалось, что негр, живущий в тропической Африке и не затрудненный отсутствием пищи, ленив и не берет на себя труд одеть свое тело. Также утверждали, что эскимоса должна была сделать ленивым длинная полярная ночь, которая затмевает его сознание. К несчастью, такие обобщения полностью несостоятельны. Есть негрские племена, которые наказывают любого, кто публично покажется неприлично одетым; в то время как племена Огненной земли, которые живут в негостеприимном климате, едва одеты. Эскимосы в течение длинной зимней ночи находят увеселение в танце, песне и слушающая сказителей.

(38.) Более того, к феноменам культурной истории с легкостью применили принципы биологической эволюции, и так одна за другой развились системы, повествуя нам, как человечество было ведомо из самых низких уровней варварства к высочайшим уровням цивилизации. Осторожный ученый не может следовать их причудам. У нас есть попытки построить развитие современной этики из этнологических данных, начиная с простого предположения, что индивиду свойственно было иметь в виду благополучие сотоварища-человека. Утверждали, что страх мести и поиск безопасности должны были явиться основой для всех этических понятий. Может быть, обычное право и развилось на манер, сходный с этими идеями, но неправильно заключать, что это единственная основа для понятий добра и зла. Слишком далеко мы бы [637–638] зашли, если бы стали придавать этому субъекту еще большие детали, но, кажется, необходимо определить ограничения этнологической науки. Она не даст нам информации, относящейся к фундаментальным чертам человеческого ума. Этнология не даст нам информации о происхождении понятий пространства и времени или причинности.

(39.) С другой стороны, этнология может сообщить новые идеи другим наукам, таким как психология, философия и история. Мы видели, что этнология имеет отношение к истории примитивных народов. Их судьбы повторяются в более простых условиях, на меньшей шкале событий того же рода, что распространены в истории и нашей сложной цивилизации. Новые идеи усваиваются в согласии с культурой принимающего народа. Они развиваются или исчезают снова. Поучительно видеть, как трудно принимать новые идеи. Изобретение не трудно. Трудно удержание и дальнейшее развитие. Следовательно, развитие будет идти тем легче, чем менее значим его культурный статус. С другой стороны, важно наблюдать борьбу индивидов против племенных обычаев. Среди примитивных распространена борьба того же рода, что необходимо вести гению среди нас самих в своем сражении против господствующих идей или господствующего предрассудка, и особенно интересно посмотреть, насколько сильный индивид сможет освободиться от кандалов условности.

(40.) Еще этнология может совершить вклад в изучение психологии. Ничего нет более поучительного для исследователя человеческого ума, чем понимание человеческой ошибки, а этот предмет снабжает изобилием материалов этнология. Вечная война между Разумной мыслью и эмоцией и историческое развитие прогресса рассудка над традицией должны найти свой главный источник в данных этнологии.

(41.) Наскоро я обрисовал предмет нашей науки. У меня не вышло бы ничего более, чем просто отметить самыми широкими контурами цели, которые у нас в голове. Немногословно я попробовал указать на методологические средства, находящиеся в нашем распоряжении. Исследования формы тела, языков и обычаев должны реконструировать историю человечества. Мы желаем открыть законы, управляющие развитием ума, с помощью внимательного сравнения его разнообразных проявлений; и я попробовал указать границы, за которыми этнология не может продолжаться.

(42.) Надеюсь, что я смог добиться успеха в своей задаче: показать, что не праздное любопытство или расположение к приключению побуждают ученого посещать удаленные народы, находящиеся, по-видимому, на низких ступенях культуры; что мы осознанно ставим задачу, вполне достойную самых напряженных усилий, когда собираем языки, обычаи и сказки племен, чья жизнь отличается от нашей собственной в фундаментальных аспектах.

(пер. с англ. И.В. Кузнецова)

Приложение

Разночтения в вариантах статьи «Цели этнологии»

Перевод с немецкого оригинала (1889):

(Продолжение абзаца 25.)

The development of our science itself has only become possible due to the general recognition the principle of the theory of evolution has attained in recent decades.

‘Развитие самой нашей науки, возможно, стало обязано лишь общему признанию принципа теории эволюции, [которого та] добилась в недавние десятилетия’.

It is a common characteristic of all forms of evolutionary theory that every living being is considered as the product of an historical development.

‘Общая особенность всех форм эволюционной теории, такова, что каждое живое существо рассматривается как продукт исторического развития’.

The fate of an individual influences not only the individual himself, but his successor as well; and in order to understand an organism it is therefore necessary not only to know its own history but also that of its forebears.

‘Судьба индивида влияет не только на него самого, но также и на его потомка; и, следовательно, чтобы понять организм необходимо знать историю не только его собственную, но также и его предков’.

This perspective opens the whole vast field of the natural sciences to the historical method, and has contributed fundamentally to its rapid advance.

‘Эта перспектива открывает историческому методу целое обширное поле естественных наук и основательно вносит вклад в его стремительное продвижение’.

Авторизованный перевод Боаса (1940):

At the same time the development of ethnology is largely due to the general recognition of the principle of biological evolution.

‘В то же самое время развитие этнологии сильно обязано общему признанию принципа биологической эволюции’.

It is a common feature of all forms of evolutionary theory that every living being is considered as the result of an historical development.

‘Общая черта всех форм эволюционной теории, такова, что каждое живое существо рассматривается как результат исторического развития’.

The fate of an individual does not influence himself alone, but also all the succeeding generations. Therefore, in order to understand an organism it is not sufficient to study it as a stable form, but it must be compared with all its ascendants and descendants.

‘Судьба индивида влияет не только на него одного, но также на все последующие поколения. Следовательно, чтобы понять организм недостаточно изучать его как стабильную форму, но должно сравнивать со всеми его предками и потомками’.

This point of view introduced an historical perspective into the natural sciences and revolutionized their methods.

‘Эта точка зрения ввела в естественные науки историческую перспективу и революционизировала их методы’.

Ethnology has existed only since this perspective has found common acceptance, for it has taught us to understand that no occurrence in the life of a people disappears without a trace, but affects even the most distant generations.

‘Этнология существует лишь с тех пор, как эта перспектива нашла всеобщее одобрение, поскольку учит нас понимать, что в жизни народа нет явлений, [которые] исчезали бы бесследно, а не отражались даже на самых отстоящих поколениях’.

The myths which our ancestors told to each other and in which they believed, have left their impress upon the ways of thinking of their descendants who came under the spiritual domination of a foreign culture.

‘Мифы, которые рассказывали и в которые верили наши предки, ощущаются в способах мышления потомков, которые оказались под духовным господством чужой культуры’.

Even the most brilliant genius is influenced by his age and his environment, which is itself a product of the past.

‘Даже самый блестящий гений испытывает влияние своей эпохи и своей среды, которая сама есть продукт прошлого’.

Thus culture-history teaches the continuity of inventions and ideas from the levels at which we find primitive peoples today up to our own time.

‘Так культур-история учит преемственности изобретений и идей, от уровней, на которых сегодня мы находим примитивные народы, до нашего собственного времени’.

The history of the sciences, the history of inventions, and above all the history of religions point to the study of their germinal forms among primitive peoples^{1}.*

The development of ethnology is largely due to the adoption of the evolutionary standpoint, because it impressed the conviction upon us that no event in the life of a people passes without leaving its effect upon later generations.

‘Развитие этнологии сильно обязано принятию эволюционной точки зрения, потому что последняя внушила нам убеждение, что ни одно событие в жизни народа не проходит бесследно для более поздних поколений’.

The myths told by our ancestors and in which they believed have left their impress upon the ways of thinking of their descendants who were subjected to the influence of a foreign civilization.

‘Мифы, которые рассказывали и в которые верили наши предки, ощущаются в способах мышления потомков, которые были подвержены влиянию чужой цивилизации’.

Even the most brilliant genius is influenced by the spirit of the time in which he lives, by his environment, which is a product of events of the past.

‘Даже самый блестящий гений испытывает влияние духа времени, в котором он живет, своей среды, которая есть продукт событий прошлого’.

Thus, the history of culture teaches the continuity of ideas and inventions beginning with stages on which we find primitive tribes of our times.

‘Так история культуры учит преемственности идей и изобретений, начинающихся со стадий, на которых мы находим примитивные племена наших времен’.

The history of the science, invention and religion must be based on the study of the lives of primitive tribes.

^{1*} На это боасовское исправление первоначального текста, которое безусловно ведет к изменению смысла, обращает внимание и Дж. Стокинг (Stocking 1989: 68, footnote 1).

‘История науки, история изобретений и превыше всего история религий указывают на изучение их зародышевых форм среди примитивных народов’.

‘История науки, изобретений и религии должна быть основана на изучении жизни примитивных племен’.

(26.)

I have used throughout the expression “primitive people” without further clarification

I have used here throughout the expression “primitives” without further explanation

‘Я использовал повсюду термин «примитивный народ» без дальнейшего разъяснения’.

‘Я использовал здесь повсюду термин «примитивные» без дальнейшего объяснения’.

I hope that in so doing I have not created the impression that we are dealing with peoples living in an original state of simplicity and naturalness as Rousseau conceived of them.

I hope this has not conveyed the impression that I consider these tribes as living in an original state of nature, such as Rousseau imagined.

‘Надеюсь, что, поступая так, я не создал впечатления, что мы имеем дело с народами, живущими в первоначальном состоянии простоты и естественности, как представлял их Руссо’.

‘Надеюсь, что это не создало впечатления, что я рассматриваю эти племена как живущие в первоначальном природном состоянии, как воображал Руссо’.

On the contrary, we must keep in mind that even a primitive people has had a long history behind it.

On the contrary, we must remember that every primitive people has had a long history.

‘Напротив мы должны держать в уме, что даже примитивный народ обладает позади себя долгой историей’.

‘Напротив мы должны помнить, что каждый примитивный народ обладает долгой историей’.

It may have gone through states of higher civilization and then, due to the gradual loss of inventions and ideas, have sunk down again to a lower state; or it may have climbed more slowly but surely up to its present level.

It may have descended by decay from a stage of higher development or it may have risen to its present stage battling against vicissitudes.

‘Он может пройти через состояния более высокой цивилизации, а затем, в результате постепенной утраты изобретений и идей, скатиться снова в низшее состояние, или взобраться медленно, но верно на свой настоящий уровень’.

‘Он может перейти к упадку от стадии более высокого развития или взойти к своей настоящей стадии, сражаясь с превратностями’.

None of these peoples is, however, free from conventional proscriptions and rules.

There is no primitive tribe that is not hemmed in by conventional laws and customs.

‘Ни один из этих народов, однако, не свободен от общепринятых запретов и правил’.

‘Нет примитивного племени, которое бы не сковывало общепринятые законы и обычаи’.

On the contrary: the poorer in cultural achievements, the greater the number of ingrained rules and proscriptions which work to determine every action.

‘Напротив, чем беднее культурные достижения, тем больше число укоренившихся правил и запретов, которые работают на определение каждого действия’.

(27.)

If, however, ethnology viewed as a purely historical science is already inextricably linked with culture-history, this connection stands out even more clearly when we turn to a consideration of the second great task of our science.

‘Если, однако, этнология, понимаемая как чисто историческая наука, уже неразрывно связана с культур-историей, то эта связь проступит даже более ясно, когда мы обратимся к рассмотрению второй великой задачи нашей науки’.

A comparison of the phenomena of the lives of peoples shows that the foundations of their development are very similar to each other.

‘Сравнение феноменов жизни народов показывает, что основания их развития очень похожи друг на друга’.

From this we must conclude that human development follows certain laws, and to establish these is the second and indeed the more important goal of ethnology.

‘Из этого мы должны заключить, что человеческое развитие следует определенным законам, и установить их есть вторая и на самом деле более важная цель этнологии’.

The more primitive it is the greater is the number of restrictions that determine every action.

‘Чем более оно примитивно, тем большее число ограничений определяет каждое действие’.

If we found that ethnology as an historical science is intimately related to the history of culture, this connection appears still closer when we turn to the second important task of our science.

‘Если мы нашли, что этнология как историческая наука близко родственна истории культуры, то эта связь покажется еще ближе, когда мы обратимся ко второй важной задаче нашей науки’.

A comparison of the social life of different peoples proves that the foundations of their cultural development are remarkably uniform.

‘Сравнение общественной жизни различных народов доказывает, что основания их культурного развития значимо единообразны’.

It follows from this that there are laws to which this development is subject. Their discovery is the second, perhaps the more important aim of our science.

‘Из этого следует, что есть законы, которым подчиняется это развитие. Их открытие есть вторая, может быть, более важная цель нашей науки’.

(28.)

It must nonetheless be kept in mind that there is no basic distinction between the two purposes, since the general law is expressed just as clearly in the individual phenomenon as the individual phenomenon is expressed in the general law.

‘Тем не менее, надо держать в уме, что между обеими целями нет основательного различия, поскольку общий закон выражается в частном феномене настолько же ясно, насколько частный феномен выражается в общем законе’.

However, the method used in discovering these laws is distinct from the historical method and casts an altogether new light on the individual case under consideration, since it shows which of its features are accidental or individual and which are of general applicability.

‘Однако метод, применяемый при открытии этих законов, отличается от исторического [метода] и бросает совсем новый свет на частный случай, [находящийся] на рассмотрении, поскольку показывает, которая из его черт случайная или частная, а которая общеприменима’.

For this reason, the purely historical approach must always be considered incomplete without the illumination which derives from the comparative method.

‘По этой причине, чисто исторический подход должен всегда рассматриваться [как] неполный, без освещения, которое исходит из сравнительного метода’.

The detailed study of the individual phenomenon leads us directly to the comparative method, since the ways and means at our disposal for studying the history of peoples^{2**} soon fail us.

‘Детальное изучение частного феномена ведет нас прямо к сравнительному методу, поскольку способы и средства для изучения истории народов, [находящиеся] в нашем распоряжении, быстро нас подводят’.

There is no fundamental contrast between these aims, for the general law is expressed in the individual phenomenon just as much as the individual phenomenon is interpreted as an exemplification of the general law.

‘Между этими целями нет фундаментального противоречия, потому что общий закон выражается в частном феномене настолько же, насколько частный феномен интерпретируется как проявление общего закона’.

However, the method used in discovering these laws is distinctive and throws light upon the individual case, for it shows which of its features are accidental and which are of general applicability.

‘Однако метод, применяемый при открытии этих законов, отличен и проливает свет на частный случай, поскольку показывает, которая из его черт случайна, а которая общеприменима’.

Therefore, the purely historical method without a comparative study will be incomplete.

‘Следовательно, чисто исторический метод без сравнительного изучения будет неполным’.

The detailed study of the individual case compels us fall back on the comparative method, for the means at our disposal for clearing up the actual history of cultures are limited.

‘Детальное изучение частного случая заставляет нас прибегать к сравнительному методу, из-за того, что средства для выяснения действительной истории культур, [находящиеся] в нашем распоряжении, ограничены’.

^{2**} На расхождения в этом месте (ср. *the history of peoples* и *up the actual history of cultures*) также обращает внимание Дж. Стокинг (*Stocking* 1989: 68, footnote 2).

Written records do not reach back into the distant past and relate only to peoples of a few culture-regions^{3***}.

‘Письменные записи [в ретроспективе] не достигают отдаленного прошлого и относятся только к народам немногих культур-регионов’.

Written records do not reach back into hoary antiquity and are available only for a few cultures.

‘Письменные записи [в ретроспективе] не достигают почтенной древности и доступны лишь для немногих культур’.

Even the other methods which we have discussed often leave us in the lurch.

‘Даже другие методы, которые мы обсуждали, часто оставляют нас в беде’.

The other methods which we have discussed are also too often of little avail.

‘Другие методы, которые мы обсуждали, слишком часто тоже малопригодны’.

In such cases we have no other choice but to compare the life phenomena of the peoples being studied in order to draw our conclusions from existing similarities and dissimilarities.

‘В таких случаях у нас нет выбора, как только сравнивать феномены жизни народов, изучаемых чтобы вывести наши [умо] заключения из существующих сходств и различий’.

In all these cases nothing is left but to compare the social phenomena of distinct areas and to base our deductions on their similarities and dissimilarities.

‘Во всех этих случаях ничего не остается, как только сравнивать общественные феномены отдельных областей и основывать наши выводы на их сходствах и различиях’.

In the pursuit of these studies we often encounter cases in which the same custom or the same idea is found among peoples so widely separated that a common origin is completely precluded^{4****}. It therefore becomes necessary for us to determine whether there are laws from which follow time and again the appearance of the same phenomenon independently in the lives of different peoples – in other words, whether the development of the human mind follows definite laws.

In the pursuit of these studies we find that the same custom, the same idea, occurs among peoples for whom we cannot establish any historical connection, so that a common historical origin may not be assumed and it becomes necessary to decide whether there are laws that result in the same, or at least similar phenomena independently of historical causes; in other words whether the development of the human mind follows definite laws.

^{3***} Здесь интересно, что в поздней версии Боас заменил выражение *a few culture-regions* (в нем. оригинале Kulturkreise ‘культурный круг’), на *a few cultures* (Stocking 1989: 68, footnote 3).

^{4****} Дж. Стокинг обращает внимание на расхождения в этом месте (ср. *peoples so widely separated that a common origin is completely precluded* и *peoples for whom we cannot establish any historical connection, so that a common historical origin may not be assumed*) (Stocking 1989: 69, footnote 4).

‘Следуя этим исследованиям, часто мы открываем случаи, при которых тот же обычай или ту же идею находят среди народов настолько разделенных, что общее происхождение полностью исключается. Следовательно, нам становится необходимо определить, есть ли законы, из которых раз за разом следует появление того же феномена независимо в жизни разных народов; другими словами, следует ли развитие человеческого ума определенным законам’.

Thus emerges the second great task of ethnology: the discovery of the laws of the lives of peoples – or, as it is usually called, the study of folk-psychology.

‘Так возникает вторая великая задача этнологии – открытие законов жизни народов или изучение психологии народов [фольк-психологии], как это обычно называют’.

(29.)

The first and most important question that must be clarified is whether there are any fixed laws at all according to which the development of peoples progresses, or whether this is just a matter of chance.

‘Первый и наиважнейший вопрос, который должен быть прояснен, есть ли вообще какие-либо постоянные законы, согласно с которыми прогрессирует развитие народов или же это только дело случая’.

We have already cited various examples of the occurrence of similar phenomena in widely separated areas.

‘Мы уже приводили различные примеры распространения сходных феноменов в достаточно разделенных областях’.

In these cases, the ethnologist always perceives two contradictory and equally possible explanations: that both phenomena have sprung from common origins, or that both have developed independently of each other.

‘В ходе этих исследований мы находим, что тот же обычай, та же идея, встречаются среди народов, между которыми невозможно установить историческую связь, так что нельзя допустить [и] их общее историческое происхождение, и становится необходимо решить, существуют ли законы, влекущие за собой те же самые или, по меньшей мере, сходные феномены, независимо от исторических причин; или другими словами, следует ли развитие человеческого ума определенным законам’.

Thus develops the second important task of ethnology, the investigation of the laws governing social life, or as it is generally called, the study of folk psychology.

‘Так развивается вторая важная задача этнологии – изыскание законов, управляющих общественной жизнью, или, как это обычно называют, изучение психологии народов’.

The very first question to be answered is whether there are laws according to which culture progresses, or whether its development is due to accident.

‘Наипервейший вопрос, на который должно ответить, есть ли законы, согласно с которыми прогрессирует культура или же ее развитие обязано случаю’.

We mentioned before examples of the occurrence of similar phenomena in regions far apart.

‘Раньше мы упоминали примеры распространения сходных феноменов в регионах, отстоящих друг от друга’.

In these cases, the ethnologist is always confronted with two equally possible explanations. The two phenomena may have originated from a common historical source or they may have developed independently of each other.

‘В этих случаях этнолог всегда ощущает два взаимоисключающих и равно возможных объяснения: что оба феномена произвело общее происхождение, или же, что оба развились независимо друг от друга’.

‘В этих случаях этнолог всегда сталкивается с двумя равно возможными объяснениями. Два каких-то феномена могут происходить из общего исторического источника или же они могут развиваться независимо друг от друга’.

Only with certain quite general phenomena is one never in doubt.

Only in a few very general cases there can be no doubt.

‘Никогда не вызывают сомнений только определенные, совершенно общие случаи’.

‘Сомнений не может быть только в очень немногих общих случаях’.

For instance, the facts that there are no peoples without religion, that art and social organization exist everywhere, and that everywhere with the progress of civilization the individual becomes freer in that the innumerable proscriptions and rules governing his conduct tend to disappear – all these may from the outset be correctly derived from the mental capacities of mankind.

For instance, the fact that there are no peoples without religion or without art; that everywhere some form of social organization is found, that everywhere with progressing culture the individual becomes freer; because the innumerable arbitrary rules governing his conduct tend to disappear – all these may be justly explained as due to the mental characteristics of mankind.

‘К примеру, те факты, что нет народов без религии; что повсюду существуют искусство и социальная организация, и что повсюду вместе с прогрессом цивилизации индивид становится более свободным потому, что неисчислимые запреты и правила, управляющие им, имеют тенденцию исчезать – все это может быть правильно выведено из ментальных возможностей человечества’.

‘К примеру, тот факт, что нет народов без религии или без искусства; что повсюду находят хоть какую-то форму социальной организации, что повсюду вместе с прогрессирующей культурой индивид становится более свободным потому, что неисчислимые деспотические правила, управляющие его поведением, имеют тенденцию исчезать – все это по праву может быть объяснено так, как будто обязано ментальным характеристикам человечества’.

(30.)

Let us through an example elucidate the method by which folk-psychologists draw their conclusions.

The method of inquiry of the student of folk psychology may also be illustrated by an example.

‘Позвольте нам через пример разъяснить метод, с помощью которого фольк-психологи выводят свои заключения’.

‘Метод изысканий исследователя психологии народов также может быть проиллюстрирован примером’.

It will be seen, then, that the facts collected by the ethnologist play a large, important role in these studies.

‘Далее будет видно, что факты, собранные этнологом, играют большую, важную роль в этих исследованиях’.

(Пропущенный абзац) *The results of recent researches into the development of the family offer an excellent example.*

‘Блестящий пример предлагают результаты недавних исследований развития семьи’.

(–) *The results obtained by recent inquiries into the history of the family present an excellent example.*

‘Блестящий пример представляют результаты, полученные недавними изысканиями в истории семьи’.

(31.)

According to the results of philological and historical researches dealing exclusively with the peoples of the Indo-European language group, it appeared as if the family comprises the foundation of society, and that the tribe, the people, and the state are outgrowths of it.

‘Согласно результатам филологических и исторических исследований, связанных исключительно с народами индоевропейской языковой группы, представляется так, что семья составляет основание общества, и что племя, народ и государство суть ее продукты’.

The results of philological and historical investigations referring to peoples speaking Indo-European languages demonstrated that the family was the foundation of society, and that on this basis the tribe and the state developed.

‘Результаты филологических и исторических исследований относительно народов, говорящих на индоевропейских языках, демонстрируют, что семья была основанием для общества, и что на этой основе развились племя и государство’.

From this point of view, it seemed strange that among many peoples the father was not the unquestioned head of the family, but that often the higher authority is invested in the wife.

‘С этой точки зрения кажется странным, что среди многих народов отец не был неоспоримым главой семьи, но что часто более высокой властью обладалась жена’.

From this point of view, it seemed strange that among some peoples the father was not the head of the family but that often the mother had rights which in later time belonged to the father.

‘С этой точки зрения кажется странным, что среди некоторых народов отец не был главой семьи, но что часто мать обладала правами, которые в более позднее время принадлежали отцу’.

Thus, Herodotus says of the Lycians that the daughters inherited, not the son.

‘Так, Геродот говорит о ликийцах, что дочери, а не сыновья наследовали’.

Thus, Herodotus tells that among the Lycians the daughters inherited from their parents, not the son.

‘Так, Геродот рассказывает, что среди ликийцев дочери, а не сыновья наследовали у своих отцов’.

It is said of the Athenians that up to the time of Cecrops children were named after their mother; and according to Tacitus, the mother's brothers were owed particular respect among Germans.

‘Об афинянах говорилось, что во времена Кекропса детей именовали по их матери, и согласно Тациту, среди германцев особым уважением пользовались братья матери’.

It is told that in Athens at the time of Cecrops children took their names from their mothers, and according to Tacitus the mother's brother enjoyed particular respect.

‘Говорят, что в Афинах во времена Кекропса дети получали имена от своих матерей, и согласно Тациту, особым уважением пользовался брат матери’.

Above all, the numerous tales of Amazons should also be mentioned.

The numerous tales of Amazons may also be mentioned.

‘[И] прежде всего, надо также упомянуть многочисленные сказки об амазонках’.

‘Можно также упомянуть многочисленные сказки об амазонках’.

So long as science sought to solve the question of the development of the family from the standpoint of our culture, these facts could not be explained. Only when we began to place ourselves in the realm of the thoughts and customs of foreign peoples whose development has proceeded independently from our own or which have remained on more primitive levels did an understanding of the true development of the family begin to dawn^{5*****}.

From the standpoint of our culture these customs were unexplainable, but when the customs of primitive people came to be known the history of the development of the family was more readily understood.

^{5*****} После этого места Боас в своем английском переводе радикально меняет текст по сравнению с немецким оригиналом, снабдив его примечанием (*Boas* 1940: 635, footnote). Вместо исходного фрагмента (четыре с небольшим абзаца) он вставляет в позднюю версию статьи текст в скобках, от слов «Среди множества примитивных племен ведется унилатеральный счет происхождения» и до «либо – к обоим линиям» (*Boas* 1940: 635). В оригинале же значилось следующее (*Stocking* 1989: 70–71):

‘Было обнаружено, что развитие, абстрагированное от нашей культуры, нигде не наблюдалось. Куда бы мы ни посмотрели, мы находим примитивные племенные конфигурации, но нигде в их основании нет семьи. Мы повсюду наблюдали, что на самых низких уровнях культуры племена делились на орды мужчин и женщин, и что существовал групповой брак. Мы наблюдаем это состояние, к примеру, в Австралии, где обе орды относятся друг к другу с враждебностью, и каждая имеет своих собственных священных животных и растений. В такой грубой форме это общественное состояние наблюдалось только среди немногих народов, но следы его широко распространены. Так, мужчины и женщины араваков в Южной Америке обладают различными божествами-защитниками, а насельники побережья Сьерра-Леоне различными тайными обществами для мужчин и женщин.

(Абзац.) Следующий часто наблюдаемый феномен есть разделение племени согласно возрастным классам. В таких случаях класс взрослых мужчин получает во владение женщин племени, в то время как более молодой класс совершает набеги на соседние племена и похищает их женщин. Дальнейшее продвижение из этого состояния очевидно у народов, среди которых жена должна быть получена от других племен посредством купли. Это состояние широко распространено среди североамериканских индейцев. Среди них племя делится на несколько кланов. Член одного клана не может жениться на члене того же клана, но вместо этого должен искать жену в другом клане. Во всех таких случаях дети принадлежат к племени жены. Они ничего не должны делать с отцом, а только с племенем, среди которого живут, поскольку принадлежат к племени матери. Следовательно, в случае войны между двумя племенами они оставляют своего отца с тем, чтобы бороться против него.

(Абзац.) Нигде, однако не оказывается это состояние продолжительным, и мы видим, что почти везде оно заменяется посредством выкупа детей из материнского племени, так, что они так становятся собственностью отца. До того, как это случается, они принадлежат полностью к племени матери и остаются под защитой их дяди по матери, которому они также наследуют. Это состояние, которое часто называют матриархатом. Сложение семьи возникает только с покупкой детей племенем отца. Эта тенденция перехода из матриархата в патриархат заявляет о себе повсюду.

(Абзац.) Лишь поскольку эти факты были признаны, стали понятны феномены, упомянутые выше, относящиеся к индоевропейским народам. Их должно осмыслять как пережитки далекого прошлого, в котором отец не являлся еще главой семьи.

(Абзац.) Поскольку только что описанные феномены возвращают к бесконечным вариациям по всему земному шару, мы должны предположить, что и это развитие повсюду в основном то же. Конечно, оно не предполагает, что процесс развития повсюду был совершенно одинаков, но скорее, что его фундаментальные черты повсюду были схожи’.

Факту подмены Боасом столь большей части текста уделяет внимание и Дж. Стокинг (*Stocking* 1989: 70, footnote 5).

‘До тех пор, пока наука видела разрешение вопроса о развитии семьи с точки зрения нашей культуры, эти факты не могли быть объяснены. [И] только [после того], как мы начали помещать себя в царство мыслей и обычаев чужих народов, чье развитие проходило независимо от нашего собственного, или же оставшихся на более примитивных уровнях, стало наступать понимание истинного развития семьи’.

‘С точки зрения нашей культуры эти обычаи необъяснимы, но [после того], как узнали об обычаях примитивных людей, история развития семьи стала более понятной’.

(Пропущенный абзац) *Thus we see from this example that the facts ethnology teaches us imply an important advance for our knowledge of the development of human culture.*

‘Так, из этого примера мы видим, что факты этнологии учат нас [и] заключают в себе важное достижение нашего знания о развитии человеческой культуры’.

—

—

(32.)

(Продолжение абзаца) *One fact derived from these studies cannot be emphasized enough, namely, the relative correctness of emotions which seem so natural to us^{6*****}.*

A conclusion based on investigations of this type should be emphasized. It shows that emotional reactions which we feel as natural are in reality culturally determined.

‘Один факт, выведенный из этих исследований, не может быть переоценен [букв. достаточно выделен], а именно, относительная правильность эмоций, которые кажутся нам настолько естественными’.

‘Необходимо подчеркнуть один вывод, основанный на исследованиях такого типа. Он показывает, что эмоциональные реакции, которые мы ощущаем как природные, в действительности культурно определены’.

It is difficult for us to conceive that the feeling the father bears toward his child should be altogether different among primitive peoples from what it is among ourselves.

It is not easy for us to understand that the emotional relation between father and son should be different from the one to which we are accustomed, but knowledge of the life of people with a social organization different from ours brings about situations in which conflicts or mutual obligations arise of a character quite opposed to those we are accustomed to and that run counter to what we consider “natural” emotional reactions to those to whom we are related by blood.

^{6*****} Очередное место, на расхождении в котором (ср. *It shows that emotional reactions which we feel as natural are in reality culturally determined*) обращает внимание Дж. Стокинг (*Stocking* 1989: 71, footnote 6).

‘Нам трудно себе представить, что чувство отца к своему ребенку среди примитивных народов должно быть совсем отличным от того, чем оно является среди нас’.

‘Нам нелегко понять, что эмоциональная связь между отцом и сыном должна отличаться от той, к которой мы привыкли, но знания о жизни людей с социальной организацией, отличающейся от нашей, приводят к ситуациям, в которых конфликты или взаимные обязательства принимают характер совершенно противоположный тому, который нам привычен, и противоречат тому, что мы считаем «естественными» эмоциональными реакциями в отношении кровных родственников’.

(33.)

(продолжение абзаца) *We learn from the data of ethnology that not only our ability and knowledge but also the manner and ways of our feeling and thinking is the result of our upbringing as individuals and our history as a people.*

The data of ethnology prove that not only our knowledge, but also our emotions are the result of the form of our social life and of the history of the people to whom we belong.

‘Из данных этнологии мы узнаем, что не только наши способность и знание, но также манера и способы наших ощущения и мышления суть результат нашего воспитания как индивидов и нашей истории как народа’.

‘Данные этнологии доказывают, что не только наше знание, но также наши эмоции суть результат формы нашей общественной жизни и истории народа, к которому мы принадлежим’.

To draw conclusions about the development of mankind as a whole we must try to divest ourselves of these influences, and this is only possible by immersing ourselves in the spirit of primitive peoples whose perspectives and development have almost nothing in common with our own.

If we desire to understand the development of human culture we must try to free ourselves of these shackles. This is possible only to those who are willing to adapt themselves to the strange ways of thinking and feeling of primitive people.

‘Чтобы вывести заключения о развитии человечества в целом, мы должны попробовать сами отказаться от этих влияний, и это возможно только [посредством] погружения себя в дух примитивных народов, чьи перспективы и развитие не имеют почти ничего общего с нашими собственными’.

‘Если мы хотим понять развитие человеческой культуры, то должны попытаться освободить себя от этих догм. Это могут сделать только те, кто готов приспособиться к странным способам мышления и ощущения примитивных людей’.

If we use our own feelings in an effort to establish how our ancestors behaved, we should not expect to achieve truthful results, since their feeling and thinking were different from our own.

If we attempt to interpret the actions of our remote ancestors by our rational and emotional attitudes we cannot reach truthful results, for their feeling and thinking was different from ours.

‘Ежели мы употребим наши собственные чувства в попытке установить, как вели себя наши предки, нам не надо ожидать достижения истинных результатов, поскольку их ощущение и мышление были отличными от наших’.

‘Ежели мы попробуем интерпретировать действия наших отдаленных предков с помощью наших же рациональных и эмоциональных подходов, то не сможем достичь истинных результатов, из-за того, что их чувства и мысли были отличными от наших’.

We must reject many presuppositions that seem self-evident to us because precisely such mental states were not self-evident in earlier times.

We must lay aside many points of view that seem to us self-evident, because in early times they were not self-evident.

‘Мы должны отбросить в сторону многие предположения, которые кажутся нам само собой очевидными, потому что именно такие ментальные утверждения не являлись само собой очевидными в более ранние времена’.

‘Мы должны отложить в сторону многие точки зрения, которые кажутся нам само собой очевидными, потому что в ранние времена они не являлись само собой очевидными’.

It is indeed impossible to recognize a priori what in our feelings is common to all mankind and what is only the result of history^{7*****} – except through the teachings of ethnology.

It is impossible to determine a priori those parts of our mental life that are common to mankind as a whole and those due to the culture in which we live. A knowledge of the data of ethnology enables us to attain this insight.

‘Но в действительности *a priori* невозможно распознать, что в наших ощущениях является общим всему человечеству, а что есть только результат истории – если не прибегать к учению этнологии [букв. кроме как посредством учения этнологии]’.

‘Невозможно *a priori* определить, какие части нашей умственной жизни являются общими человечеству в целом, а какими мы обязаны культуре, в которой живем. Возможность достичь этого прозрения дает знание данных этнологии’.

It alone opens to us the possibility of judging our own culture objectively, in that it permits us to strip off the presumably self-evident manner of thinking and feeling which determines even the fundamental part of our culture. Only in this way can our intellect, instructed and formed under the influences of our culture, attain a correct judgment of this same culture.

Therefore it enables us also to view our own civilization objectively.

^{7*****} Последний случай текстуальных расхождений, на который указывает Дж. Стокинг (Stocking 1989: 71, footnote 7) (ср. due to the culture in which we live). Но за ним следует еще одна купюра (заклчительная), на которую он не обращает внимания.

‘Она одна открывает нам возможность объективного суждения [относительно] нашей собственной культуры, чем [она] позволяет нам снять предположительный [т. е. основывающийся на предположении] само собой очевидный образ мышления и ощущения, который определяет даже фундаментальную часть нашей культуры. Только этим путем наш интеллект, обученный и сформированный под влияниями нашей культуры, может достичь правильного суждения о той же самой культуре’.

Следовательно, оно также дает нам возможность объективно смотреть на нашу собственную цивилизацию’.

(пер. с англ. И. В. Кузнецова)

